

2

2006

АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

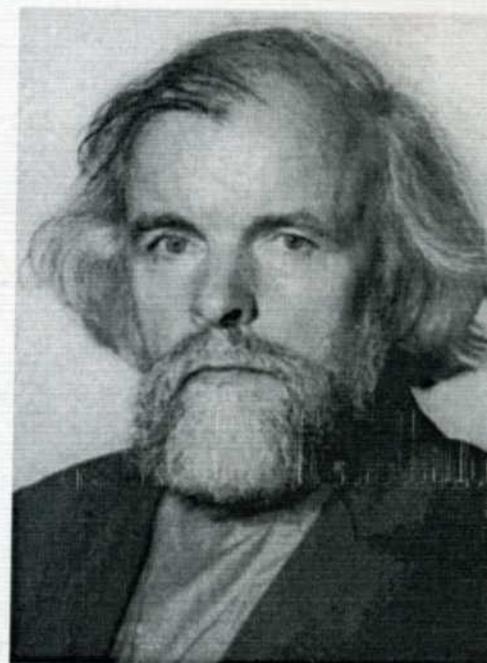
НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

Д. М. Балашов:
историческая
память

НАУКА
и
БИЗНЕС
на Мурмане

В своем Отечестве ищи пророков!..

О. Ф. Никон

Пока мы боль чужую чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мечтаем мы и буйствуем,
Есть в нашей жизни оправдание!..

Андрей Дементьев

Как мало мы прислушиваемся к себе, следя по житейским и историческим лабиринтам... а еще меньше — к мудрым соотечественникам, озарявшим разные времена... Ищем примера для подражания в тридевятых царствах, заморских государствах с совсем иными природными возможностями, жизненным колоритом и историческими особенностями! Не оттого ли все наши беды, что забыли о нажитом народом опыте, нравственных устоях, сформированных веками, о собственном самосознании? Фундамент национального самосознания и мышления — фольклор, хранимый русской глубинкой. Он — народный приговор событиям, явлениям, личностям, поступкам. Все «заморское» — чуждо народу, редко дает желаемые результаты. Своими категориями мыслит народ. Дает свои оценки происходящему. Не по чужому сценарию

преодолевает катаклизмы на родной земле и отлаживает быт в своих широтах!

В основе материальной культуры каждого народа — три первопричины: историческая судьба, общение с соседними народами и племенами, природа и погодные чуда места облюбованных мест — другого не дано!

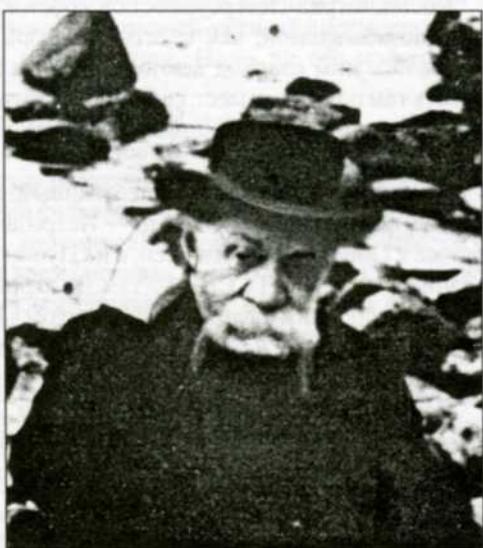
Дмитрий Балашов как никто чувствовал необходимость заново знакомить народ с достижениями предков во всех сферах и бился насмерть за сохранение дедовского наследия для потомков.

Известно — русская проза европейского Севера начала XX века сохранила общую корневую систему с северорусской литературой, как письменной, так и устной, прочно скованной с исходом старообрядцев на Север из-за централизации — и политической, и церковной.

У Алексея Чаплыгина, Бориса Шергина, Степана Писахова и многих других — отчетливы старообрядческие корни. Как и для предков, «главное у них не забава, не молодчество, а сила созидания государства или сила религиозная». (В поисках древней красивой Руси, как птицы, на север устремлялись носите-

Борис Шергин

Степан Писахов

ли всевозможных дарований, чтобы крепить их видение предков... Европейский Север притягивал прозаиков, поэтов, художников, композиторов, историков, философов, этнографов старообрядческой верностью древним обычаям и верованиям, художественными сокровищами).

Не в этом ли открытая неприязнь к «гнилому Западу» с его мещанскими идеалами, безбожной анархией, надвигавшемуся во всеоружии техники и милитаризации? И мастера слова проповедовали монархические идеи, христианскую нравственность, они, воспитанные в духе православия, показывали яркие образцы долгой и многотрудной христианской жизни. Находили мужество выступать против всего, что сокрушало их мир. Видя, «что весь провиденциальный ход истории ведет человечество к какой-то

новой сверхнародной жизни, к какому-то универсальному единству»... отвергали все, что называлось цивилизацией, желая, хотя бы отдалить роковую связку. Старообрядческий раскол в книгах местных авторов рассматривался как выражение национального русского самосознания, как протест части общества новому иноземному влиянию. Возражая всем, кто упрекал раскол в мелочном консерватизме, Д. Островский подмечал, что сущность его в борьбе не столько за старые церковные обряды, сколько за дух древности: за соборное начало в управлении и за независимость древнерусских учреждений... Книги и брошюры укрепляли в общественном мнении России представление о европейском Севере как заповеднике культуры славянского мира. Краеведческую литературу по фольклору, народной обрядности, диалектологии, истории, археологии издавали в конце XIX — начале XX века во многих губернских городах, стараясь научить земляков любить свою историю, выступая против торжества пошлости в духовной культуре!

«Быть русским — значит не только говорить по-русски, но значит воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть ДАР БОЖИЙ» — утверждал философ, религиозный мыслитель Иван Ильин.

Многочисленное крестьянство европейского Севера, не знавшее над собой власти помещика, сохранившее дух вольнолюбия, дух созидания, оставалось социальной основой классического фольклора, бытавшего здесь во всей разветвленности жанров, особенно в местах, подчиненных древненовгородскому культурному влиянию! С записей фольклора начинался путь в литературу многих писателей-северян (А. Белый, А. Ремизов, Е. Замятин, О. Форш, М. Пришвин, Н. Клюев, С. Есенин, П. Орешин) вплоть до нынешнего века, в том числе Дмитрия Михайловича Балашова... Народное творчество, житийная литература питала их творчество, как целительный родник. Их вдохновлял идеал праведности, выработанный народной жизнью с помощью православия.

Судьбы писателей несут немало мистических сдвигов... Столько всего намешано!

8 ноября 1927 года — дата рождения... Далее жизнь Дмитрия Михайловича Балашова делилась на три составные, на три периода, — и географически, и творчески — ну прямо как в фольклоре — закон троичности!

Петербургский — всем окружением, приобщением к фундаментальной народной красоте, сформировавший яркую личность и определивший четко профессиональные пристрастия. Конвойер бездуховности еще не работал денно и нощно!

Петрозаводский — заразивший Севером (Терский берег) и Центральной Россией, закрепивший сибирские, жизненные, карельские впечатления (дер. Чеболакша, Соловки, Заонежье), творческое и историческое осознание жизни, толкнувший на литературную стезю.

Дмитрий Балашов и Станислав Панкратов в Варзуге

Наконец, Новгородский — откристаллизовавший в сознании сокровища творческой мудрости народа и отечественной истории, познакомивший с «заморскими землями», явивший большую часть романов серии «Государи Московские», где с болью за Отечество дано осознание технологии власти, определяющей во многом судьбы народа, отдельных личностей и державы!..

Таким образом, из бывшей столицы Российской империи через северную глубинную нетронутую глухомань со стойкостью православных традиций, укорененных новгородцами, — в сам Великий Новгород — крупнейший торговый и культурный центр древней Руси, даже на фоне Западной Европы блестательный образец Великой средневековой республики... Вполне определенный путь — словно выход из исторического зигзага, который — незаметный миг в масштабах вечности, а по земным меркам — трагедия нескольких поколений... Балашовский исход начинился из бывшей столицы империи — «окна в Европу» — без малого в 33 года... Последующие периоды — по убывающей, с незначительной разницей, по девяти лет!.. И мучительный трагический финал. Словом, закономерность случайностей... Всякому ли характеру по силам тернистый, но созидательный путь?..

Кому многое дается, с того — многое и спрашивается! Кто не мечтал об интеллигентном, одухотворенном Петербурге 60-х?.. Счастье жить и учиться там... не только в школе! Еще и ошеломительная юность — Балашова-студента... Театроведческий факультет Ленинградского института им. А. Островского, учебный театр «На Моховой»... Совсем рядом Летний сад, Михайловский... Невские набережные, где «мосты повисли над водами», где «оград узор чугунный», где летом — «ночи полчаса»... Величие Эрмитажа, объятия Русского музея — не счастье, не счастье музеев... и театров — тоже! ТЮЗ — самый родной... вблизи Загородного с Витебским вокзалом, с Пятью Углами, с многими великими и не очень обитателями... Пору-

шенные, но мужественные, пригороды... И люди, воссоздающие все заново, героически, после войны... реставраторы, воскрешающие по крупице отечественную историю! Этими — не притягательный пример для подражания парнишке, испытанным ленинградским голодом?..

Краткое время учительства в культпросветучилищах Вологды и Новгорода. Терпение и труд, труд, труд... Аспирантура в Институте русской литературы снова в городе, где «давно стихами говорит Нева». Стрелка Васильевского острова с Ростральными колоннами — символом морской доблести и славы... «Пушкинский дом», знакомый всем хотя бы по своему знаковому названию, сокровищница книг, документов и рукописей... Неподалеку университет, Академия художеств... общение с великими современниками: писателями, литераторами, учеными, фольклористами, музыкантами, художниками. За мостами — гордый собор, нездадый войной, — Князь-Владimirский, куда блокадники стекались на службу... бывал там и Дмитрий Лихачев! И выбор пал сам собой на Карелию...

Но Ленинград-Петербург остался обетованной землей, незабываемой, как счастливая пора юности... Встречи с ним озаряли всю оставшуюся жизнь. Не счастье там памятных мест, связанных с жизнью Дмитрия Балашова, но неведомых большинству петербуржцев...

И вот — дремотный, полудеревянный, на первый взгляд, по-домашнему уютный — Петрозаводск. Чем ближе к Онеге, тем пустынней, а на Пушкинской, где здание филиала АН СССР, — там Дмитрий Балашов начинал младшим научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории — вообще, один неуемный ветродуй, дерзкий, как ветры грядущего...

Первые экспедиции на север подарили Д. Балашову не только емкие, потрясающие открытия, но и друга-единомышленника на всю жизнь. Встретился с ним на Терском берегу Белого моря...

Станислав Панкратов рассказывал: «Я шел по берегу от деревни к деревне, от севера к югу... и писал книгу «Солнечный ветер». В знаменитой Варзуге, около церкви, которая вошла во все альбомы и справочники русской деревянной архитектуры, мы и познакомились. И потом немало часов провели около этого удивительного одухотворенного сооружения... Я шел по берегу, а Дмитрий подолгу жил в деревнях Терского берега и записывал фольклор... все, чем так богат наш простой народ в нетронутой глубинке. Там впервые Дмитрий рассказал мне об одном историческом персонаже, который сильно его волнует, — о Марфе Посаднице, в чьих древних владениях мы находились в Варзуге. Та встреча стала началом нашей сорокалетней дружбы... Встретились два творческих человека, полностью и навсегда захваченных своим призванием». Пути и того и другого не устилали розами...

Но северные их походы отразили журналы, в том числе московские, а результаты экспедиций были изданы отдельными книгами. Балашов опубликовал в

1963 году «Народные баллады», опубликовал ряд статей, в 1966 году — исследование «История жанра русской баллады». Его влекли многие фольклорные жанры: в 1969 вышли из печати «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря», в соавторстве с музыкой Ю. Е. Красовской; в 1970 году — «Сказки Терского берега Белого моря».

К тому же, Дмитрий Балашов, практически в одиночку, вел битву за спасение деревянного зодчества Севера, в том числе и церкви в Варзуге. Инерция разрушения была столь велика, что трудно было её остановить... Культовые постройки сносили. На Севере многие церквушки и часовни уцелели только потому, что оказались вдали от партийно-чиновничих посягательств, от взоров воинствующих атеистов... С Балашовым участвовал в баталиях Леонид Леонов — в защиту лесов. Это не добавило борцам ни авторитета в глазах власти, ни материального благополучия, ни званий. Но Балашов упрямо пробивался к столичным знаменитостям через головы партийного и прочего начальства, добывая подписи в защиту древности и красоты. Вскоре пришлось уйти из института, имея семью — из пяти душ. Надо ли объяснять, как жилось?

Да и Панкратов был не заласкан.

«Было вполне естественно, когда, через год, нашу молодежную редакцию в Мурманске разогнали (за избыточный юмор на страницах и дух независимости от обкома комсомола), я приехал в Петрозаводск и некоторое время ночевал на кухне у Мити Балашова, он жил тогда неподалеку от нынешнего стадиона «Спартак», на втором этаже деревянного дома. На этой же кухне, позже, мы провели многие десятки часов в разговорах серьезных и не очень... словом в нормальном общении интеллигентов-шестидесятников, как теперь себя называют многие из того поколения. На этой же кухне (в комнате спали дети, Аня и Вася, и мама Дмитрия — Анна Николаевна) он впервые поделился со мной своим желанием сменить научную работу — писательством... Откровения не бывают случайными у творческих людей»...

Первому литературному опыту Дмитрия Балашова повести «Господин Великий Новгород» в Петрозаводске был выставлен непробиваемый заслон! Не дали северянам ощутить тот восторг перед великим городом, который заставил автора написать о нем. Но пути Господни — верны!

Труд писателя, берущего темой далекое прошлое, — самый неблагодарный. Слишком плотно оно покрыто музейной и архивной пылью, чтобы пробуждать волнение! Да и трудностей немало: главная — в необходимости полного слияния двух талантов — художника и историка-ученого... Историки-исследователи писали скучно, а писатели — неквалифицированно! А оттого тускнело свечение самых драматических событий...

К счастью начинающего автора, повесть попала в руки блестательного ученого и мудрого человека,

вышла в 1967 году в литературно-художественном и общественно-политическом журнале ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», №6—7. Взяв рукопись в руки с предубеждением, ученый прочел два раза подряд и, будучи человеком чести, в пространной рецензии отметил: «Дмитрий Балашов с несомненным талантом художника соединяет пытливость и кропотливость исследователя, он взял в свои руки перо писателя тогда, когда все известные источники темы были рассмотрены им глазами талантливого ученого...

Эта историческая повесть... открывает глубокие пласти русской старины, связывает их с современной жизнью древнего края, учит патриотическому чувству, причастности к многовековому пути народа, говорит об ответственности молодых людей перед славою Отечества, перед высокими понятиями добра и любви к родной земле.

Горячо рекомендую повесть Дмитрия Балашова читателям.

Член-корреспондент Академии наук СССР В. ЯНИН.

Я читала в том журнале повесть «Господин Великий Новгород» с рецензией Янина, когда мне едва исполнилось двадцать два года, и это, как думается сейчас, не прошло бесследно, ни для меня, ни для моих детей и внуков...

В 1970 году повесть «Господин Великий Новгород» издает в Москве «Советская Россия», и там же, в 1972-м, появляется роман «Марфа Посадница» о трагическом закате великого города, вышедший в Карелии, имевшей свое издательство и свой ИЯЛИ, лишь в 1976 году... И только тогда, в 49 лет, автора соизволили принять в Союз писателей... Надо ли комментировать, какое противостояние преодолевал Дмитрий Балашов, живя в Петрозаводске?

В том же, 1976-м, с октября, я занималась экскурсией «Литературные страницы Карелии». Тему предложила еще года полтора назад, но методическое руководство Петрозаводского БПиЭ меня не включило даже в состав «творческой группы». «Детище» оставляло желать лучшего и пылилось на полке! «Литературную жизнь» Карелии, от Державина с фольклором века позапрошлого по 1975 год, всю — втиснули в два академических часа, т. е. 1ч. 30мин. астрономических. Обидно, донельзя! Переведенная на легкий труд в связи с ожидаемым пополнением семейства, стыдясь получать за неотработанное, я с энтузиазмом занялась «литературкой» заново... Перелопатила все, что удалось отыскать, выстроила маршрут, продумала остановки, проезды, разыскала подходящие фото, требующие переработки, дополнила, ввела Клюева, литературу современной Карелии, подчеркивая успешное развитие жанра исторического романа и подробно рассказывая о Дмитрии Балашове... Позднее, когда в ходе экскурсии автобус стоял у ИЯЛИ, в окно видели, как стремительно шел к входу в своей традиционной экипировке Балашов, давно там не работавший, но оста-

вивший институту немало собранных им записей. Замечательно обрисовал его Станислав Панкратов: «...Странно было видеть на берегу Онежского озера невысокого мужичка в старинной русской косоворотке, плисовых шароварах, без запинки говорящего на языке наших праотцов: ни дать ни взять — кадры из фантастического фильма о пришельце из прошлого...

Это была его обыденная и любимая одежда. И дома, и на любого ранга съезжаниях... Когда Михаил впервые приехал в Великий Новгород, почетным гражданином которого он стал через несколько десятилетий, — милиция прямо на вокзале задержала будущего писателя и препроводила его в отделение — для выяснения личности столь странного путника. В старинном русском городе показался странным и опасным человек в старинной русской одежде!.. Почему все умиляются и улыбаются, когда видят мужчин-шотландцев в юбочках? И никому не приходит в голову, будто шотландцы переигрывают в своем уважении к национальному костюму... Это теперь заговорили об определенной ценности сугубо личностного поведения. А Балашов всегда был таким — свое поведение и облик свой определял сам. И это ничуть не помешало Папе Римскому иметь с Дмитрием Михайловичем продолжительную беседу, которая по длительности превышала многие беседы с ведущими политиками современного мира.

Вот бы сегодня протокол того вокзального задержания напечатать рядом с указом о почетном гражданстве новгородском...

Знали они друг друга до мелочей. Спорили о многом, о многом рассуждали... «Как генеральную линию большой будущей работы я посмел предложить ему — тему власти. Тему технологии власти. Эта тема волновала и меня, но волновала тема власти вообще, вне ее национальной конкретики. А Дмитрий думал исключительно о власти русской, в России...» — подмечал он далее. А Балашов в «Марфе Посаднице» писал: «В своих боярщинах Марфа навела строгий порядок и, не считаясь, помогала всем: лишь бы работали. Рубила избы погорельцам, раздавала коней и коров из захваченных стад, оделяла солью под будущее — когда поправятся — уловы семги, сельди, палтуса и трески. Сумела, заставила, добилась: в первую же весну распахали всю землю, хоть и не хватало рук, коней, сох, сбруи, семян. Холопы-дружинники валялись с ног от усталости. Тут же паши, тут же, выпрягши и оседлав коня, скаки на набег, а с набега опять на пашню, не прдохнув, — пахать, боронить, сеять. Но знали: за Марфой Ивановной не пропадет. Ела с холопами, с дружиной, сама во главе стола. Не сдерживая соленых шуток, подчас усмехаясь смелому слову. Не видали, когда спала. Силы брались — на удивление мужикам. И памятлива — вины не простит и выслуги не забудет. Награждала так, что никто не был в обиде. И густели, подымавшиеся деревни...» Вот и простая премудрость заботливой власти, власти на пользу всем, знающей цену работающим рукам да смекалистым головам. От-

лично знающей цену земли и воды в своих боярских владениях... И оставила она свою историческую метку от нелукавых времен в название деревни — Боярщина, напротив Кижей — переименовать забыли.

Не только названием старинным напоминает о себе история, но и старинными правилами и делами. А Балашов стал умным посредником между нашим прошлым и сегодняшним беспамятством. Заменили нынче дело — ненавистью. Пороки порождаются завистью и бездельем, людской невостребованностью и неважением к мастеровитости!

В 1977 году в издательстве «Карелия» появляется роман Д. Балашова «Младший сын», открывающий серию «Государи Московские», рассказавший о Руси и русском народе периода Орды в XIII—XV веках, о становлении Московского государства... где продолжалась тема власти, уважающей трудолюбие.

Балашовский обычай — через себя пропускать, через свои руки, ум и сердце все возможные людские умения... Ведь человеческое сообщество живо духом и умением что-то делать, делать мастерски! В характерах русских князей-созидателей Балашов подчеркивал именно понимание, стремление поддерживать делателей, а не болтунов. Да и сам писатель священодействовал не только за письменным столом, но и выполнял любую крестьянскую работу, знал досконально до двадцати ремесел. Любой труд — творчество. Высокое ремесло — образец высокой мысли.

В 1980 году — роман «Великий стол»... через два года — «Бремя власти», еще через два — «Симеон Гордый»... Балашов как подлинный исторический писатель и собственную линию жизни, линию поведения тянул из истории, убежденный, что народ имеет право на собственный веками выстраданный образ жизни, а всякий иной — не может быть навязан силой, должен быть народом осознан, тогда необходимость тех или иных перемен будет органична. Балашов разделял взгляды Льва Гумилева и был в многолетней дружбе с ним.

Перед выходом в издательствах романы Балашова публиковал «Север», где зав. отделом прозы трудился Панкратов. Как и прежде, подолгу общались друг с другом и в редакции журнала на Пушкинской, где на первом этаже под редакцией размещался в ту пору Союз писателей, где в соседнем здании находился Институт языка литературы и истории, и по-домашнему.

В апреле 1980 года на VIII съезде писателей Карелии встретились и Валерий Дементьев, и Борис Романов, и Станислав Панкратов, и Дмитрий Балашов. Д. Балашова и тогдашнего редактора журнала «Север» Д. Гусарова избрали на V съезд писателей РСФСР в составе делегации от Карелии из пяти человек ...

Казалось бы, справедливость восторжествовала... Кандидатская, стотысячные тиражи романов, просторная квартира в центре... Но обывательская фантазия неуемна в жанре печатной и непечатной сплетни и нагромождения всевозможных проблем людям, заня-

тым серьезным историческим делом, отличающимся от прочих образом жизни... Такая досадная помеха упорному, напряженному труду! Чашу терпения переполнил пожар в Чеболакше, на берегу Горской губы Онежского озера, мигом сожравший уникальную балашовскую библиотеку, собираемую десятилетиями.

Надо ли говорить, сколько важного в его судьбе могло состояться в Петрозаводске, если бы в свое время наши руководители всех уровней проявили заинтересованность в Балашове, в масштабном серьезном писателе? Категоричное неприятие творческой интеллигенции здесь продолжается и сейчас как застарелая, барабанная традиция... Не поднялись наши руководители выше временного, дешевого зангиивания с ней и сейчас, не имея мужества на собственную, объективную оценку, а прислушиваются к мнению недоброжелательной серости.

«Судьбы людей существуют в истории, и историей, данными свыше законами, определяются беды и радости, успехи и скорби любого из нас, каждой бренной и временной человеческой судьбы, для которой краткий миг её земного бытия вмещает в себя безмерность мироздания, с чудесами далеких земель и алмазными россыпями бесчисленных горных миров небесном океане...» Не мешайте творцам! Ведь создан человек по образу и подобию...

А Новгород упорно звал... и писатель решился... О его жизни в Великом Новгороде, где он годами ходил по местам героев своих книг, вам безусловно известно гораздо больше... Повторяться не стоит... Он воскрешал и творил историю со свойственным ему упрямством, чтобы мы поняли, что нам глубоко небезразличны события многовековой давности, они входят в нашу плоть, в нашу генетическую память, что они не только наше прошлое, но и будущее, требующее ответа за наши промахи.

В юбилей Дмитрия Михайловича Балашова весь город пестрел афишами, юбилейные вечера проходили в лучших залах Новгорода, писателю присвоили звание почетного гражданина Великого Новгорода, губернатор подарил компьютерный издательский центр. Банкеты не стали банальной пьянкой, а удивляли взаимопониманием и духовностью...

Новгородский архив стал хранителем балашовских материалов. Хотелось бы, чтобы молодые горожане знакомились с его жизнью не по досужим разговорам, а до глубокого прочтения книг и изучения отечественной истории благодаря памятным мемориальным доскам, напоминающим о его пребывании здесь, памятникам, различным чтениям и профессиональным

экскурсоводам, проводящим литературные экскурсии, к чему есть всевозможные предпосылки, за что вам огромное спасибо!

Литература прочно вошла в жизнь. Пушкин, Толстой, Достоевский — имена, значение которых не приумножишь. Пушкинские Горы, Ясная Поляна, Старая Русса — святыни, куда тропа не зарастает — памятные народу места... Четыре десятка лет как краеведение дало новую ветвь — «литературное краеведение», занимающееся изучением городской или иной местности для выявления литературных мест. Накоплен немалый опыт в популяризации их, снуют, как передвижные аудитории, по городам и весям экскурсионные автобусы, помогая соотечественникам осознавать свое прошлое и самих себя. Литературное краеведение масштабно! Оно сливается с литературоведением, и только знание современного его состояния дает понимание основ литературоведения и всей глубины литературных произведений. Литературные экскурсии — отправная точка для более глубокого разговора о литературе и жизни, отправная точка в формировании и становлении личности, в обогащении души и становлении нравственности. Силой слова, силой любви к малой родине входят в наши души, в души сегодняшнего подрастающего поколения современные писатели, чтобы не прерывалась преемственность традиций!

Чтобы увлечь неискушенного человека литературой и помочь ему разобраться в сегодняшней сумятице, всегда лучше начинать с авторов, близких ему по языку, созвучных по нравственным принципам, традициям, надеждам, тревогам и стремлениям. Начинать с авторов, которые даже в смутное время остаются людьми совестливыми и стойкими, не теряющими исторической памяти. Тогда лишь отзовутся сокровенные струны души. Ориентирами для многих стали на новгородской земле — Борис Степанович Романов и Дмитрий Михайлович Балашов. Дело за малым, пока не кануло в небытие все, что говорит о них, их жизни и творчестве, — спешить увековечить память о писателях мемориальными досками, литературными музеями, проведением чтений, выпуском краеведческой литературы, воспоминаний, созданием достойных экскурсий... Уверена — и потомки, и современники будут благодарны.

«Научи юношу при начале пути: он не отступит от него и тогда, когда состареет». (Причи Соломоновы). Зачастую молодежь идет туда, куда ее позовут. Не забывайте об этом. Пора звать ее к духовным и нравственным истокам нации...